

ПОЦѢЛУЙ ЧЕРЕЗЪ ВУАЛЬ.

(Разсказъ Г. Рыбинцева)

*Но ничего печальнѣе нѣтъ,
Какъ встрѣча двухъ смертей.*

Русское населеніе Парижа осенью 1921 года было сильно взволнованно однимъ необычайнымъ происшествіемъ, которое досужимъ и недалекимъ репортеромъ было окрещено: „Двойное самоубійство“.

На второй день, послѣ похоронъ застрѣливагося извѣстнаго поэта Георгія Голубинцева былъ обнаруженъ охраной кладбища le Pere la shaise трупъ русской молодой женщины Лидіи Иллиной на свѣжей могилѣ поэта.

Чувствовалась во всемъ какая-то строгая и молитвенная умышленность: изумительное бѣлое платье изъ тончайшихъ брюссельскихъ кружевъ съ густымъ непроницаемымъ вуалемъ на лицѣ и что особенно странно: весь трупъ ее былъ усыпанъ свѣжими парижскими фіалками, испускавшими острый и тяжелый запахъ амбры, который такъ поразилъ чиновъ парижской полиціи, кому волею судебъ пришлось первымъ заняться отысканіемъ причинъ этой загадочной смерти.

Мнѣ, ближайшему другу и единственному въ Парижѣ родственнику покойнаго поэта было оказано прокурорскимъ надзоромъ исключительное вниманіе и разрѣшено было также принять на себя похороны и этой таинственной покойницы.

Сначала это ихъ очень поразило, но когда за корсажемъ ея платья было обнаружено предсмертное письмо Лидіи Иллиной, подлинный почеркъ которой экспертами былъ установленъ и изъ котораго полицейскія власти узнали объ

отсутствіи насильственной смерти, то уже отнеслись къ моей просьбѣ болѣе снисходительно и довѣрчиво и, кажется были рады этому случаю, такъ какъ я избавлялъ ихъ отъ дальнѣйшихъ хлопотъ.

Всѣ бумаги покойнаго поэта, а ихъ было два большихъ сундука, послѣ установленнаго слѣдствія были переданы мнѣ на храненіе и для дальнѣйшей передачи его роднымъ. Безумная жажда, и исключительная моя любовь къ моему другу — заставили меня прикоснуться къ его сокрытой отъ всѣхъ, тайнѣ.

Даже не вѣрилъ, что его нѣтъ уже въ живыхъ, такъ какъ все еще напоминало о немъ: и любимыя его книги съ его личными помѣтками, и черновики его стиховъ и замѣтокъ, въ которыхъ никогда не умираетъ душа поэта, столько въ нихъ недосказанной боли и вѣчно животворяшаго мечтанія пылавшаго сердца.

И это я особенно почувствовалъ, когда прочиталъ нѣсколько посмертныхъ его стихотвореній можетъ быть, написанныхъ дрожащей рукой за нѣсколько часовъ до ужасной кончины.

*Вотъ осень тихими шагами
Пришла и стала подь окномъ
И непонятными словами
Напоминаетъ о быломъ.*

Что это была за осень и воспоминанія о быломъ мнѣ открыло одно письмо покойнаго къ его любимой сестрѣ, которая осталась въ Россіи,

написанное еще въ бытность его въ Константинополѣ. Письмо это вложено было въ траурный конвертъ и опечатано сургучемъ. Имѣлъ ли я право его вскрывать, не знаю; въ этотъ моментъ я объ этомъ не подумалъ; я слишкомъ любилъ поэта и онъ мнѣ исключительно довѣрялъ, потому то я рѣшился на это. Я знаю, все въ жизни случайно, дойдетъ ли это письмо до его сестры и гдѣ она теперь, но я рѣшилъ его переписать и при случаѣ опубликовать, какъ важный челоѣческій документъ и такимъ образомъ, передать его въ вѣчность.

Можетъ быть, это письмо сниметъ съ именъ покойныхъ тотъ ненужный налетъ удивленія и насмѣшки, съ которымъ многіе подходили къ ихъ послѣднему успокоенію, чтобы отдать дань вниманія живыхъ мертвымъ, и можетъ, такъ названное „двойное самоубійство“ заставить и насъ быть слишкомъ осторожными и стыдливими въ своихъ сужденіяхъ.

*Стамбулъ.
1921 года. Сентябрь.*

Милая... милая Катя.

... Не знаю, дойдетъ ли до тебя вотъ это мое письмо, но чувствую, что написать надо и написать только тебѣ, потому, что ты одна еще только понимаешь меня, ты одна, кто всегда мнѣ напоминаетъ нашу дорогую покойную мать.

Ни одну разлуку я не переживалъ съ такой болью. ни о комъ и никогда я такъ нѣжно и красиво не думалъ, какъ о тебѣ. Въ минуты ли самага темнаго отчаянія, въ краткія ли мгновенія свѣтлой радости — ты всегда вставала въ моей памяти самой любимой и близкой... Много дней насъ отдѣляютъ другъ отъ друга. Но черезъ ихъ невозвратность, непроницаемую тьму я бросаю тебѣ печальный свѣтъ своего больного сердца...

А заболѣть ему было отъ чего. Послѣднія Россійскія событія... бѣгство изъ краснаго плѣна и... ссора съ Лидой, моей лучезарной болью... Ты помнишь ее — такую особенную и такую чудную; все это слишкомъ усложнилось въ моемъ одинокомъ сердцѣ и дало такую трещину, которую ни одинъ врачъ не въ состояніи задѣлать...

При встрѣчѣ, если Богъ пошлетъ, много, много расскажу объ этомъ, а сейчасъ трудно, нѣтъ подходящихъ словъ; все какъ-то расплывается, благодаря своей неожиданности и зачарованности.

Какъ многіе русскіе и я оказался на лазурныхъ берегахъ Босфора... Ты помнишь, какъ я мечталъ о Стамбулѣ... Объ Айя Софіи... Такъ вотъ я сейчасъ здѣсь, влюбленный въ умирающую прелесть лѣниваго Востока и въ неувядаемую, строгую красоту несравнимой Айя Софіи...

Айя Софія — это мой лучезарный отдыхъ, гдѣ я такъ часто и такъ нѣжно поминалъ въ своихъ молитвахъ и тебя, дорогая...

Но странно... со мной, незамѣтно для меня, происходитъ что-то непонятное... Я полюбилъ эти воздушныя тѣни зачаровывающаго Востока, очаровательныхъ въ своей недоступности, подъ вѣчнымъ покровомъ, таинственныхъ незнакомокъ — сказочныхъ турчанокъ... И потому-то и перебрался на житъе въ тихій и сонный Стамбулъ... Почти на берегу вѣчно поющаго моря. Здѣсь долгими бессонными ночами, въ одиночествѣ я снова и снова переживалъ свою вѣчную боль... разлуку съ Лидой... Но она была такъ неправа... А, Можетъ, по женски и права... Не знаю... Во всякомъ случаѣ, любя свою боль, я ей не повѣрилъ... И ушелъ... ушелъ отъ нея съ ужасомъ и страхомъ за свое существованіе... Я съ большимъ трудомъ заставилъ себя не думать о ней, чувствуя себя въ чемъ-то самомъ главномъ, что главнѣй даже самой жизни, жестоко и несправедливо оскорбленнымъ... Правъ я или нѣтъ, тому судья Богъ да мои стихи... Которые я теперь такъ оберегаю; кто его знаетъ — моему сердцу суждено иное горѣніе и иное творческое искушеніе.

Ты знаешь, въ Константинополѣ, завести съ турчанкой флиртъ или романъ также трудно, какъ попасть въ гаремъ... И потому-то, можетъ, эта легендарная недоступность меня особенно волновала и укрѣпляла мои желанія... Я не знаю ихъ, не вижу даже всего лица... Но глаза, какъ два черныхъ пылающихъ алмаза часто прожигали мое сердце своимъ зловѣщимъ блескомъ страсти, обжигали своей далекостью и уплывали опять въ неизвѣстность...

Въ этомъ невинномъ увлеченіи я сталъ медленно, но все же съ покаяніемъ забывать образъ Лиды... Любя забывалъ... можетъ, это еще сильнѣе любви... Гдѣ она теперь? О чемъ мечтаетъ?.. Кому поручила свою пылкую и волнующую судьбу?..

Наконецъ, одинъ изумительный случай въ Стамбулѣ меня окончательно... Безвозвратно заколдовалъ...

Все это я относилъ на счетъ моего особеннаго счастья, которое, какъ ты знаешь, меня никогда не оставляло и которое, кажется, начи-

наетъ меня уже старить . . . Кстати, ты меня, Катюша, сейчасъ бы не узнала . . .

Я отпустилъ бороду, но усы брею, и въ ея черныхъ волнахъ свѣтятся серебрянныя нити сѣдины, которыя невольно выдають мои годы... дѣйствительно странно... Мы всѣ поэты немного дѣти и фантазеры.

Но вотъ наступили дни Рамазана, т. е. турецкаго поста, который заключается въ томъ, что съ заходомъ солнца (объ этомъ оповѣщаетъ единственная турецкая пушка), турки начинаютъ усердно молиться, затѣмъ разгуливать группами по улицамъ, наслаждаться своимъ турецкимъ кофеемъ и наргиле, а послѣ 2-хъ часовъ ночи — восточнымъ ужиномъ; а весь день затѣмъ проводятъ или въ постелѣ или на подоконникахъ.

Но я любилъ эти дни. . . Какъ благочестива и строга турецкая толпа въ своихъ уличныхъ прогулкахъ, не то — что наша — шумная и безтолковая . . . Чувствуешь, какъ каждый турокъ умѣетъ искренно наслаждаться своей лѣнью, къ которой обязываетъ этотъ самый Рамазанъ . . . Это дается поколѣніями и сидитъ у нихъ въ крови. Весь Стамбуль становится въ эти дни неузнаваемымъ . . .

Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ приравнивали это всенародное вечернее гуляніе по улицамъ къ нашимъ стариннымъ смотринамъ невѣсть . . .

Можетъ быть это такъ, не знаю... Но замѣчалъ, что въ эти теплые и ласковые вечера турчанки становятся нѣсколько смѣлѣе . . . Нужно быть очень осторожнымъ. . . Я даже не помню отчетливо, какъ это вышло . . . Въ одномъ изъ глухихъ Стамбульскихъ переулковъ, недалеко отъ Баязидской площади, у меня имѣлся пріятель турокъ, у котораго я всегда «рамазанился» т. е. закусывалъ и выпивалъ нашу «Смирновку». Это онъ для меня специально держалъ, но скоро и самъ къ ней пристрастился и очень одобрялъ. Это одна изъ моихъ побѣдъ надъ милымъ и ласковымъ туркомъ . . .

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда мнѣ было особенно грустно и когда такъ хочется родного душевнаго тепла, а тутъ всѣ чужіе и непонятные, я немного перехватилъ этой самой «Смирновки» и пришелъ въ такое настроеніе, когда ты становишься болѣе смѣлымъ и изобрѣтательнымъ. Я невольно почувствовалъ, (а ты знаешь, я часто предугадывалъ событія), что что-то меня ожидаетъ. . . Не знаю, но это ясно помню... Но въ тоже время черезъ мою искусственную веселость и непринужденность просачивалось какое-то возбужденное безпокойство . . .

Въ такомъ состояніи я вышелъ въ переулокъ

и быстро направился къ самому пышному мѣсту рамазана... Было около 12-ти часовъ ночи . . . Переулокъ былъ очень глухой, не далеко отъ развалинъ . . .

Откуда-то вдругъ, словно изъ подъ земли, выросли передо мной двѣ женскія тѣни... Строгія и молчаливыя — онѣ были похожи на изваянія изъ чернаго мрамора . . . И только станъ и ихъ плавная, граціозная походка выдавали ихъ молодость и изящество.

Я рѣшился . . Я не помню, что такое сказали имъ въ слѣдъ, вродѣ какого-то французскаго изысканнаго привѣтствія . . . И сейчасъ же почувствовалъ, какъ задребезжало мое сердце и какой то охватилъ меня внутренній страхъ . . . И было еще непонятнѣй и неожиданнѣй для меня, когда одна изъ нихъ, та, что повыше и постройнѣе, обернулась и отвѣтила тихо, почти шопотомъ, на чистомъ французскомъ языкѣ благодарностью, но просила не безпокоиться за ихъ судьбу... Онѣ не боятся...

Въ этомъ отвѣтѣ я почувствовалъ что-то угрожающее и обласкивающее въ одно и тоже время, но боясь встрѣчи съ очень строгими и суровыми охранителями восточной чести — турками, не рѣшился ближе подойти, а издали слѣдовалъ за ними, думая такимъ образомъ узнать ихъ мѣстожителство. Прошли уже нѣсколько темныхъ и путанныхъ Стамбульскихъ переулковъ, въ нихъ такъ легко и пріятно заблудиться, и на счастье мое, я говорилъ тебѣ, что мнѣ везетъ, ни одного суроваго турка.. Ихъ я боялся, какъ чортъ ладана.

У какого-то пышнаго подѣзда они остановились и казалось . . . Чего-то ожидали . . . Я сообразилъ и прошелъ мимо, сохраняя видъ безразличнаго прохожаго, но прошелъ, въ то же время — умышленно такъ близко, что замѣтилъ даже какія-то лукаво — черныя молніи ихъ глазъ. Кто то изъ нихъ бросилъ мнѣ въ догонку ..

— Завтра .. Въ это же время. . приходите въ эту улицу.

Я вздрогнулъ . . . въ головѣ все запуталось И сразу быстро повернулся и рѣшился на все . . . Безуміе очень часто меня выручало въ жизни... Но какъ-то сразу и какъ то неожиданно для меня — распахнулась дверь и двѣ тѣни бросились на ламповый свѣтъ и также быстро захлопнулась за ними.

Ты, милая Катя, не можешь представить себѣ, что было со мной въ эту минуту. . . Если бы я имѣлъ въ своемъ распоряженіи тысячу человеческихъ жизней, я всѣ бы ихъ безъ сожалѣнія, безъ содраганія, бросилъ къ ногамъ этихъ туман-

Распахнулась дверь и незнакомки скрылись.

ных и таинственных турчанок, чтобы только на одну секунду задержать время и сказать одно... только одно слово: Люблю...

Но время не любит романтики и никогда не изменяет своей противной привычке: ему слишком некогда было, чтобы обращать внимание на какого-то поэта...

А я как безумный, до утра бѣгалъ по Стамбулу и только часовъ въ 12 дня предался тишинѣ и призыву безпокойнаго сна.

Что это? . . . Не судьба ли? . . . Не новое ли испытаніе? . . . Турчанка . . . живая и недоступная. . . И назначеніе страннаго, непонятнаго мнѣ свиданія . . . И въ тоже время, какой то страхъ за будущее — не оставлялъ меня — безпокойнаго.

Медленно тянулся новый вечеръ и я съ проклятіемъ торопилъ его безразличную поступь...

Ровно въ 11 часовъ — я, какъ помѣшанный, бродилъ по вчерашнему таинственному переулку, и одна мысль нелѣпѣ другой, сжимала съ болью мое сердце, которое въ это время неизвѣстнаго ожиданія такъ сильно билось, что я даже боялся за его цѣлость . . . Скоро . . . Скоро — появились опять какія-то двѣ тѣни... И проходя мимо меня, одна изъ нихъ очень ловко и осторожно протянула мнѣ какой то конвертъ и сказала на ходу:

Уходите . . . Все узнаете . . .

— Что это? . . . Думалъ я и бросился къ своему милому пріятелю турку, чтобы спокойно отдаться раскрытію этой новой тайны . . . Я никогда не забуду этого волненія, которое меня охватило при чтеніи перваго письма отъ турчанки на французскомъ нѣжномъ, нѣжномъ языкѣ.

Въ письмѣ сообщалось, что она знаетъ, что я русскій. что они часто меня встрѣчали у Баязида и что имъ очень хотѣлось бы познакомиться со мной, но не знаютъ, какъ это сдѣлать, потому что турчанкамъ не разрѣшается даже разговаривать съ иновѣрцами . . .

Но въ тоже время просятъ, если я дѣйствительно искренне хочу знакомства съ ними, написать до востребованія и указали свой условный адресъ . . . А пока умоляли быть осторожнымъ и не преслѣдовать ихъ, иначе все будетъ испорчено... Подпись одна... Эминэ... Милая . . . Но далекая Ханымъ . . . Какъ жаль, что ты не знаешь своего эффенди . . .

— Представляешь, дорогая Катя, какая охватила меня тревога . . . Что-то невѣроятное и сильно заинтриговывающее. . . Мои знанія французскаго языка первый разъ въ жизни мнѣ пригодились. . . Короче говоря, послѣ недѣльной переписки, мнѣ было назначено свиданіе у дверей кинематографа, на Пера «Люксембургъ» и указаны даже примѣты, по которымъ бы я могъ безошибочно ихъ узнать. Впрочемъ, я ихъ узналъ бы все равно по одному тому, что они душились моими любимыми духами «Амбра» и этого было достаточно, чтобы я потерялъ власть надъ собой...

Что-то вертѣлось и кружилось подъ самую нелѣпую музыку на экранѣ, а я шопотомъ и вкрадчиво говорилъ о той радости, о томъ новомъ волненіи, которое я испытывалъ, сидя рядомъ съ ними . . . Они признались мнѣ въ томъ, что ихъ отецъ былъ извѣстный Паша и что теперь они живутъ, послѣ его смерти, съ престарѣлой своей матерью, которая такъ строга, что одно ея слово приводитъ ихъ въ трепетъ, что имъ также скучно и тяжело въ своемъ одиночествѣ, и еще что-то въ этомъ родѣ. Словомъ, мы такъ неза-

мѣтно, въ нелѣпомъ положеніи просидѣли два сеанса и я почувствовалъ, что та, которая сидѣла рядомъ со мной, счень напоминаетъ всѣмъ — и манерами, и голосомъ — далекую Лиду... и даже больше, какое-то, еще неизвѣданное мной очарованіе охватило все мое существо.

О, проклятый, странный городъ, гдѣ даже любить запрещаютъ... Какъ было невыносимо тяжело, когда меня съ какой-то тяжелой грустью предупредили, что они должны уходить и какъ-то неожиданно женская тонкая рука потянулась ко мнѣ и что-то передала...

И когда я рѣшалъ, задержать ли эти пять обжигавшихъ меня пальцевъ, чтобъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности поцѣловать, какъ вдругъ они поднялись и съ видомъ безразличія и равнодушія оставили меня въ темномъ залѣ...

Опять я одинъ... опять письмо... новое испытаніе и новое волненіе... Я срываюсь также съ мѣста и завидя ихъ на улицѣ — во слѣдъ посылаю свое нѣжное благословеніе. Захожу въ первое попавшееся мнѣ кафе и узнаю все...

Она робко, какъ то по дѣтски, слишкомъ боязливо и стыдливо признается уже одна въ своей любви ко мнѣ... Милая Эминэ... Ты все таки меня видишь и слышишь, какъ зовутъ тебя мои глаза... А я — я слѣпой... Потому что все твое прекрасное чело скрыто отъ меня... И я невольно замечтался... и даже про себя рѣшилъ принять магометанство, чтобы хотя этимъ доказать свое исключительное расположеніе къ ней... Но весь ужасъ въ томъ, что наше свиданіе откладывалось на неопредѣленное время, о чемъ я буду предупрежденъ по «до востребованію».

Прошла еще одна томительная недѣля въ одиночествѣ... Я уже пересталъ выходить вечеромъ на шумный и свѣтящійся Стамбулъ, не желая нарушать даннаго имъ слова... И отъ моихъ незнакомокъ ни слова... Чтобы это значило? Неужели женская интрига... Или какой-то особенный восточный флиртъ... Я, какъ безумный — по нѣсколько разъ на день бѣгалъ на почту, безпокойно справляясь о письмѣ и каждый разъ получалъ въ отвѣтъ спокойное, чисто чиновничье: «Екъ» — что означаетъ по русски — нѣтъ... И, сильно озлившись на всѣхъ турокъ и на весь земной міръ, рѣшилъ нѣсколько дней никуда не выходить и забыть объ очаровательномъ сновидѣніи, что посѣтило меня... Но хорошо сказать и рѣшить, но какъ трудно исполнить и забыть незабвенное. На второй же день, разубѣдивъ себя и надѣясь на что-то. Я снова побѣждалъ на почту... Невѣроятно... Непостижимо... Мнѣ отвѣчалъ суровый, узнавшій

меня турокъ: «Варъ... Эффенди...» есть значить... Лихорадочно разорвавъ на улицѣ конвертъ — я весь ушелъ въ него — на этотъ разъ очень большое письмо, и никакъ не могъ понять его смысла... Какіе то странные вопросы, совсѣмъ не турецкія и какіе то не то недоумѣнія, не то сожалѣнія о нашихъ встрѣчахъ... Робкая Эминэ спрашиваетъ меня, не любилъ ли я кого-нибудь и не общалъ ли другой, русской — отдать свое неспокойное сердце? Серьезно ли мое чувство и чѣмъ я его могу доказать... Потому что, пишетъ она, кто обманетъ дѣвушку, тотъ будетъ все равно отомщенъ Аллахомъ, всевидящимъ и вездѣсущимъ... Странно, не смотря на всю, казалось, бы простоту, поставленныхъ мнѣ вопросовъ, чувствовалось, что ихъ продумало опытное сердце, уже познавшее горечь измѣны и обмановъ, — потому что отъ этого письма вѣяло какимъ то предупрежденіемъ и страхомъ... Но, кто любить, тотъ ничего не боится... И въ доказательство своего искренняго и исключительнаго расположенія къ Эминэ, я присовокупилъ къ своему отвѣтному письму удостовѣреніе муллы о принятіи мной магометанства.

Ты удивишься, добрая Катя, и поразишься моему сумасбродству, — но изъ за любви къ таинственной турчанкѣ — я даже перешелъ въ лоно священное Ислама.

Не суди, узнаешь потомъ и простишь своего неугамоннаго брата.

Каково было впечатленіе отъ моего удостовѣренія на турецкомъ языкѣ, можешь судить потому, что черезъ при дня я получилъ уведомленіе о назначеніи мнѣ новаго свиданія, но въ такой, необычной для меня, формѣ, что я сначала, было, потерялся, а потомъ рѣшилъ, что все равно отъ судьбы никуда не убѣжишь... Свиданіе было назначено въ автомобиль... совсѣмъ по американски... Автомобиль, такъ автомобиль... Можетъ это по турецки и хорошо выходить... Признаюсь, эта неожиданность меня огорчила и заставила сильно призадуматься надъ предстоящимъ свиданіемъ. Шутка ли это турчанки или особенный способъ тайнаго свиданія, незамѣтнаго для любопытныхъ... Помню... это была среда... 13 Августа, а это число 13 — и счастливое для меня и карающее.

Ты знаешь, что я съ Лидой познакомился 13 Іюля, а разошелся 13 Декабря... Не совпаденіе ли это здѣсь какое нибудь... Но; думалъ я, то уже прошло и было въ Россіи, а здѣсь Турція и инныя значенія придаются числамъ...

Какъ я волновался передъ свиданіемъ, можешь судить по тому, что за три часа былъ уже въ условленномъ мѣстѣ — въ Шиши и ждалъ желтый закрытый автомобиль подъ № 1213, который у греческаго кладбища по дорогѣ въ Маслакъ остановится... и возьметъ меня... Что это сумашествіе какое-то... При чемъ кладбище... Не пророчество ли о смерти? . . А какъ на грѣхъ, за полчаса до прибытія желтаго автомобиля, прошла скромная похоронная процессія — и я невольно испугался, и по своему суевѣрію рѣшилъ отказаться отъ предложеннаго свиданія . . . Но что то, по мимо моей воли, руководило мной и заставило ожидать положеннаго судьбой теченія обстоятельствъ . . .

При каждомъ шумѣ мотора и гудковъ я настораживался и обращалъ свой пытливый взоръ въ ту сторону, откуда мчался автомобиль. .

Нѣтъ, это не онъ. . . Этотъ черный. . . Я сталъ все чаще и чаще смотрѣть на часы . . . Прошло уже полчаса послѣ назначеннаго времени, а желтаго автомобиля не видно. . . А можетъ и это шутка. . . Но такъ не шутятъ. . . Сердце это знало и особенно вѣрило. . . Отъ смерти и отъ любви все равно никуда не скроешься, это двѣ дружныя сестры найдутъ тебя и напрасны будутъ сопротивленія. . . Ихъ ядъ сладокъ — но и смертеленъ. . . Но, не отравившись, ты не узнаешь свойство ихъ яда. . . И я рѣшилъ еще разъ отравиться, по турецки — чтобы больше никогда не пытаться своего желанія.

Въ 6 час. 45 м., помню точно, показался автомобиль. . . Я себя чувствовалъ не лучше приговореннаго къ смерти. . . Что онъ привезетъ мнѣ этотъ желтый автомобиль. . . Любовь или смерть?

Не успѣлъ я объ этомъ подумать, какъ желтый автомобиль на замедленномъ ходу остановился у святаго входа въ вѣчный исходъ. .

„Со святыми упокой“ странно откуда то доносилось до моего слуха. Гдѣ это. . . откуда? . . Но раздумывать нельзя было. . . Я быстро подошелъ къ автомобилю. . . и дрожащей рукой открылъ дверцу. . . и какой то синій мракъ и пьянящій ароматъ амбры — уносили мое сердце въ неизвѣстную даль. . . Я ничего не соображалъ. . . казалось, что мое сердце билось уже у самыхъ висковъ и еще одно безумное мгновеніе. . . и оно перестанетъ биться. . . . Такія мгновенія, дорогая Катюша, бываютъ сложнѣе и длиннѣе самой вѣчности. . . А автомобиль. . . на мягкихъ рессорахъ, равнодушный ко всему, быстро совершалъ свой бѣгъ.

Мое волненіе скоро передалось и забившейся

въ уголь Эминэ Ханымъ но такъ какъ женщина — всегда въ любви бываетъ сильнѣе мужчины, то и она первая — прикосновеніемъ своей тонкой руки — вернула меня къ дѣйствительности.

Не смотря на то, что она говорила робко и отрывочно, я узнавалъ, что это заставляетъ ее дѣлать какая то скрытая воля или намѣреніе. . . и потому то особенно боялся ея словъ. . .

Не знаю, какая то особенная сила толкнула. . . меня, и схвативъ ея руки, сталъ быстро и часто ихъ цѣловать. . . Что я еще могъ сказать? . . и можно ли еще говорить. . . поцѣлуй сильнѣе и понятнѣе словъ. . . Она вся дрожала. . . когда я ее называлъ. . .

— Моя милая, любимая Эминэ. . . Что было дальше. . . не помню. . . глаза ея были такъ близко къ моимъ глазамъ, а губы такъ дрожали, что я даже сквозь густую вуаль это замѣтилъ. . . но какъ поднять вуаль. . . это кощунство и не поджентльмэнски.

Но вотъ. . . ближе. . . ближе. . . Какіе то зловъщіе огни, ближе пылающіе и зовущіе уста. . . и мои дрожащія губы припали къ вуалю. . . и наши руки были закованы въ одно объятіе какой то неодолимой страстью.

Это было также неожиданно, какъ и до боли страшно. . . но мы не могли долго расковать нашъ поцѣлуй, не смотря на то, что наши губы отдѣлялъ завѣтный спущенный вуаль. . . не смотря на то, что въ ея вуальномъ лобзаніи я слышалъ свою знакомую боль и что-то до того родное. . . что-то напоминающее. . . что боялся — не возвратъ ли это сновидѣній прошлаго. . . и какъ то сурово. . . съ какимъ то холоднымъ презрѣніемъ врѣзался въ мое мгновенное сознаніе почти уже забытой мной. . . воздушный образъ Лиды. . . Это замѣщательство. . . мое было Эминэ Ханымъ какъ то чутко уловлено. . . и съ какимъ то особеннымъ всепокоряющимъ безуміемъ — которое всегда у нихъ дремлетъ въ тонкихъ углахъ губъ, ея уста еще разъ и въ послѣдній зажгли даже черезъ вуаль новой страстью мои губы. . . и я только тогда понялъ, что случилось, когда у входа кладбища снова остановился автомобиль. . . и мнѣ было сказано: «Милый — до новаго свиданія».

Усталый. . . утомленный нѣсколькими мгновеніями, я ничего не понималъ и совершенно не удивился, когда вечеромъ поздно кладбищенскій сторожъ, завидя меня гуляющимъ между крестовъ, попросилъ деликатно о выходѣ. .

Въ головѣ несвязно промелькнули: желтый автомобиль. . . вся въ черномъ Эминэ Ханымъ. . .

поцѣлуй черезъ вуаль . . . и могилы . . . безъ конца...

Ты, конечно, Катя, понимаешь, что я и сotoй части не передалъ изъ того, что со мной произошло... но и даже у самыхъ глубокихъ и богатыхъ словъ не найдется достаточно силы, чтобы освѣтить ими эти незабвенныя минуты. .

— Кто она... какое у нея лицо?... я не знаю и не видѣлъ... но слышалъ, какъ сердце далекой турчанки — пѣло мнѣ какія то новыя, свои пѣсни любви...

И я пошелъ за этими пѣснями, послушался ихъ призыву. . . а послѣ этихъ пѣсенъ мнѣ уже ненужной стала никакая въ мѣрѣ музыка . .

Это были пѣсни Любви и Смерти...

Я не знаю, какъ и когда я попалъ домой . . . и какъ, вообще я нашелъ свою квартиру; но еще было страшнѣе и неожиданнѣе, когда на другой день, рано утромъ, дѣвочка, дочь моей хозяйки, постучала ко мнѣ и протянула черезъ полуоткрытую дверь какое то письмо. . . Откуда и отъ кого, изумился, когда никто не знаетъ моего адреса и никто еще не заглядывалъ даже изъ близкихъ моихъ друзей въ мое одинокое убѣжище... По страшно нервному почерку, такъ уже мнѣ знакомому, я отгадалъ, что это письмо... Эминэ Ханымъ. . . Но какъ она нашла меня... это навсегда останется для меня тайной... Въ этомъ короткомъ, но ясномъ письмѣ, меня увѣдомляла моя сказочная турчанка, чтобы я немедленно переѣхалъ на другую квартиру, которая уже для меня приготовлена — и былъ указанъ точный адресъ, и ждалъ бы ее вечеромъ, т. к. ее женихъ прослѣдилъ за нею и она во всемъ призналась. . . Нужно, предупреждаетъ она меня, найти выходъ... и спасти ее и себя... Вотъ тебѣ и шахеразада, подумалъ я, короткая, но многозначительная восточная сказка. . . съ воздушнымъ поцѣлуемъ черезъ вуаль . . . послѣ которой нужно и ее и себя спасти отъ наказаній Аллаха. .

Себя... то я рѣшилъ не спасать; — но ее обязательно спасти, хотя бы цѣной своей жизни... Бѣдная и милая Ханымъ — пути любви устѣяны цвѣтами и кровью... кровью и цвѣтами... цвѣты то я твои спасу и сохраню цѣной своей крови... Не печалься... отъ судьбы никуда не уйдешь...

Очень было грустно мнѣ покидать свой тихій и ласковый уголокъ, еще грустнѣе было заявить объ этомъ своей хозяйкѣ, которая нѣжно, по матерински, ко мнѣ относилась и для которой моя квартирная плата была средствомъ для существованія... Но чтобы ее обрадовать и успокоить, я къ причитающейся ей за комнату сумму, яко—

бы въ знакъ благодарности, прибавилъ столько, сколько бы ей хватило на годъ . . . Но каково было мое удивленіе, когда она это уразумѣла и вся въ слезахъ возвратила мнѣ эту сумму, обидѣвшись на такой русскій способъ благодарности. Славная моя старушка . . . развѣ я хотѣлъ ее обидѣть?... Да, честь для старой турчанки дороже всякихъ денегъ. . . Ея морщинистое, но благородное лицо я никогда не забуду. . . Но надо спѣшить на новую квартиру... въ Кассимъ Паша... на Пера, которую я такъ не люблю. . . Законъ любимой женщины обязательнѣй для меня всѣхъ другихъ законовъ. . . Съ тяжелымъ сердцемъ я исполнилъ все, что мнѣ было приказано. . . На новой квартирѣ меня уже ожидали и совершенно не удивились моему прѣзду. . . Однако, Эминэ Ханымъ очень опытная и умѣетъ сбстоятельства подчинять своей волѣ... Что-жъ, думалъ какъ— то уже безразлично я. . . Касимъ Паша, такъ Кассимъ Паша, и отдался со всѣмъ своимъ прискорбіемъ томительному ожиданію завтрашняго таинственнаго, но все объясняющаго вечера...

Что меня ожидаетъ, я какъ-то боялся и думать объ этомъ. . . Неисповѣдимы твои пути, Господь. . . я въ твои милостивой волѣ, карай меня или милуй, я все приму, какъ необходимое и должное. Да . . . какъ-то не знаешь, откуда приходитъ счастье и откуда несчастье... Но я уже промучился съ самымъ для себя печальнымъ исходомъ... а потому то такъ спокойно ожидаю назначенное мнѣ новое свиданіе, опять таки при новыхъ, для меня печальныхъ и неожиданныхъ обстоятельствахъ...

Медленно и пугливо подвигалось время. . . . Прошла и бессонная ночь съ какими-то грозными предчувствіями, засвѣтило и утро своимъ ласковымъ свѣтомъ въ мое окно. . . . Вяло тянулся жаркій день и минуты указывали о приближеніи того часа, когда тайнѣ моей невольно придется стать явной и тѣмъ ослабить то очарованіе, которое таитъ въ себѣ красота неизвѣстности. . . Но вотъ и настала часъ...

Робкій стукъ въ дверь. . . . Она входитъ и увѣренно закрываетъ за собою дверь. . . . и направляется ко мнѣ. . . Я быстро вскакиваю и какъ-то лихорадочно беру ее руки и стараюсь поцѣловать ихъ, но она также быстро отстраняетъ меня и совершенно спокойно приглашаетъ сестъ и обсудить создавшееся положеніе. . . . Это ея дѣланное спокойствіе и строгій повелительный тонъ нѣсколько меня смутили, но я покорно слѣдовалъ ея указаніямъ. . . и молча опустилсѣ на стулъ... Она сдѣлала нѣсколько нервныхъ шаговъ по комнатѣ и также сѣла... противъ меня... На

ней черное платье... и таже густая вуаль... но на этот раз еще болѣ непроницаемая, такъ что при всемъ моемъ желаніи я съ большимъ трудомъ отыскалъ въ этомъ туманномъ вуалѣ едва замѣтный блескъ очей...

Минуты тяжелаго неопредѣленнаго молчанія... Наконецъ — Эминэ Ханымъ собравшись съ силами, рѣшительно обратилась ко мнѣ, не показавъ и не выдавъ себя ничѣмъ, какъ будто между нами никогда ничего не было.

— Вы любили кого-нибудь? — со вздохомъ спросила она.

— Да, коротко отвѣтилъ я.

— И что же разлюбили или это было не серьезно? продолжала Ханымъ... я рѣшилъ сразу говорить всю правду...

— Заставилъ себя забыть ее, при этихъ словахъ она вздрогнула, — потому что она была слишкомъ несправедлива ко мнѣ... но какъ трудно забыть, что у меня есть сердце, — такъ трудно забыть и ту, для которой оно горѣло — Тогда чѣмъ же объяснить ваше поведеніе со мной? Желаніемъ развлечься, быстро съ тихой злостью, спросила она...

— Ханымъ... какъ вы можете такъ говорить... послѣ того... послѣ нашей послѣдней встрѣчи.

— Не вспоминайте никогда объ этомъ, грубо перебила она меня.

— Хорошо... согласился я... вы пришли сюда, чтобъ снять съ меня допросъ и тогда уже рѣшить, что вамъ предпринять...

— Нѣтъ, не за этимъ... я уже даже рѣшила, я хочу только ближе узнать, что вы за человѣкъ; кому я собираюсь вручить свою судьбу...

Отъ этихъ неожиданныхъ, но совершенно спокойныхъ словъ я пришелъ въ нѣкоторое замѣшательство и сталъ терять душевное равновѣсіе, потому что между Эминэ Ханымъ въ автомобилѣ и здѣсь легла какая то непреодолимая пропасть и я уже не зналъ, когда она была настоящей — теперь или тогда...

А гдѣ эта дѣвушка; которую вы любили? снова она продолжала свой допросъ.

— Не знаю - отвѣтилъ я. Наши пути слишкомъ разошлись, а міръ такъ великъ, что трудно опять встрѣтиться на старыхъ нашихъ путяхъ... да, если бы мы и встрѣтились, только было бы больно намъ отъ этого.

— Признайтесь откровенно... только искренно, смотрите на меня... хотѣли бы вы ее видѣть? — испытующе спросила она.

— Зачѣмъ? въ раздумьи я проговорилъ...

Вѣдь все люди расходятся для того, чтобы больше никогда не сходиться... да и въ возвратныя сновидѣнія я не вѣрю... она слишкомъ знала мое сердце, чтобы рѣшиться разбить его... Но разъ это сдѣлано... пусть это и остается на ея совѣсти... она мнѣ слишкомъ отомстила за мои стихи...

— А въ привидѣнія вы, навѣрное, вѣрите? вдругъ перешла она на другую тему и я услышалъ въ этомъ какую то чисто восточную хитрость и какую то ловушку для, моей искренности...

— Это не относится къ допросу — возразилъ я и сталъ слѣдить за всеми ея движеніями... Она поднялась, походила по комнатѣ, что-то обдумывая... какъ она была загадочна и потому то какъ обоятельна въ это мгновеніе... какой то запутанный словесный подходъ восточной интриги... жаль только, не видно ея лица...

Мое воображеніе не могло никакъ его нарисовать себѣ... Наконецъ рѣшительно она подходитъ ко мнѣ и снова, нѣсколько волнуясь спрашиваетъ:

— Такъ вы ее уже не любите и будете любить меня... не правда ли?... Вѣдь вы ей ни въ чемъ не клялись... и никогда не захотите ее видѣть, когда будете со мной?... подождите, не отвѣчайте... не надо... одну минуту... закройте ваши глаза, останьтесь на единѣ со своей совѣстью, подумайте... а тогда отвѣчайте... Я инстинктивно повиновался и оставшись, съ самимъ собой — почувствовалъ весь ужасъ своего положенія... и совершенно не зналъ такъ все запуталось въ головѣ, что ей сказать... И молча сидѣлъ съ закрытыми глазами, ожидая своей участи...

— Еще не говорите и не открывайте глазъ... только не жалѣйте никогда о случившемся, въ васъ столько чистаго увлеченія, что я никогда не забуду тоже вашъ... поцѣлуй... черезъ...вуаль... въ автомобилѣ... мой милый... я опять пришла къ тебѣ... ну смотри... же... Хотя я и открылъ глаза, но ничего не видѣлъ, потому что не вѣрилъ видимому, а отъ неожиданности потерялъ сознаніе и упалъ въ обморокъ...

Катя... Катя... ты только пойми весь ужасъ того, что свершилось... передо мной стояла съ поднятымъ вуалемъ... въ слезахъ... сама... Лиды... да... живая Лиды... а не Эминэ Ханымъ...

Что было дальше - не помню... Она быстро ушла... и не сказала ни слова... И только на второй день, когда я едва сталъ приходить въ

сеоя, вечеромъ часовъ въ 10-ко мнѣ кто-то постучался и просилъ разрѣшенія войти.

Незнакомый мнѣ человекъ въ фескѣ произнесъ мое имя и какъ то тревожно, вкрадчиво, сбиваясь, сообщаетъ, что произошло большое несчастье... Вамъ завтра утромъ все нужно будетъ сдѣлать...

Вотъ вамъ письмо... вы все узнаете...

Представляешь, дорогая Катюша, съ какимъ нетерпѣніемъ я распечатывалъ письмо... Его содержаніе я не буду передавать... при одномъ воспоминаніи о немъ мнѣ становится больно... Когда мной было исполнено все, о чемъ она просила въ своемъ письмѣ, когда я, удерживая свои послѣднія силы, забросалъ ее могилу цвѣтами...

Только тогда я почувствовалъ весь ужасъ и безысходность своего горя... Лида... умерла... и просила ее похоронить по христіански... Когда я переступилъ порогъ той комнаты, гдѣ она лежала уже въ заколоченномъ гробу, я совершенно потерялъ разсудокъ и на меня напало то тупое безразличіе, которое такъ родственно невыразимому горю... Изъ письма я узналъ про весь ея планъ мщенія, который она изумительно тонко провела, но сама не выдержала конца и оставила мнѣ одному разгадывать тайну ея мщенія... За что?.. Катя, ты знаешь, какъ я любилъ Лиду... и какъ мнѣ тяжело было разстаться... неужели за то, что, цѣлуя ее - я цѣловалъ другую... и этимъ ее, какъ женщину незабываемо оскорбилъ...

Воображаю... сколько она потратила силъ и изобрѣтательности, чтобы попасть въ турецкую семью въ качествѣ гувернантки и слѣдя за каждымъ моимъ шагомъ изъ подъ своей чадры, разыграть такую сцену нашихъ свиданій, какъ не разыгралъ бы ни одинъ геніальный актеръ... и къ чему все это... чтобы самой не выдержать финала пьесы и побѣжденной оставить меня одного мучиться и снова страдать... а что это были за муки, ты уже знаешь... свидѣтель тому тотъ славный турокъ, что принесъ мнѣ письмо, братъ дѣйствительной Эминэ Ханымъ при которой Лида состояла гувернанткой и съ которой приходила въ синема. Онъ много мнѣ говорилъ про

Хотя и открыты глаза, но ничего не видѣть — передъ нимъ стояла сама Лида.

нее, но такъ стыдливо и съ такой любовью, что это меня успокаивало и примиряло... Довѣряя ему, я подѣлился своимъ горемъ и рассказалъ всю правду о нашихъ свиданіяхъ, чему онъ поразилился и замѣтно было — остался недоволенъ.

Очевидно, заговорило въ немъ свое, національное чувство. Вотъ и сейчасъ, когда я дописываю это письмо, онъ снова заглянулъ ко мнѣ и ожидаетъ молча, когда я закончу свое дѣло. Такъ грустно и печально закончилась моя восточная сказка... и ушла также неожиданно моя Царица Эминэ Ханымъ Лида, какъ и появилась она въ Стамбулѣ... Сама понимаешь, что дольше я оставаться здѣсь не могу и черезъ нѣсколько дней уѣзжаю на вторую свою родину — шумный Парижъ, чтобы тамъ за работой литературной, въ пыльныхъ библіотекахъ забыть свой трагическій «поцѣлуй черезъ вуаль»...

Турокъ мой это одобряетъ и собирается меня проводить даже. Славный, внимательный. Не знаю, милая, какъ ты примешь это мое письмо; помолись за меня, чтобы Господь подкрѣпилъ меня и далъ силы перенести этотъ ужасно-жестокій ударъ тайной, но вѣчно карающей судьбы...

Изъ Парижа тебѣ напишу снова... кончаю...

и нѣжно цѣлую тебя, моя единственная и любимая Катюша... да хранить тебя Господь. Твой братъ Георгій.

Бѣдный, бѣдный поэтъ, ты бѣжалъ отъ стѣнъ Цареграда въ свой любимый Парижъ заживить свои раны и отдохнуть отъ жестокой жизни, но смерть и сюда за тобой прискакала... Теперь то и мнѣ сталъ ясенъ смыслъ его предсмертнаго письма ко мнѣ... Немного ему пришлось отдыхать... за то теперь навѣрное, отдохнуть тамъ, откуда никто еще не возвращался.

До чего бываетъ неистощимо и жестоко женское самолюбіе; я только теперь узналъ это. Исторія со смертью ея и забытымъ гробомъ также была тонко разыграна какъ и сцена съ желтымъ автомобилемъ... Бѣдный поэтъ до вѣрчивый и обманутый, оказалось, хоронилъ что то совсѣмъ непохожее на покойницу; но въ чудесной восточной столицѣ еще не то продѣлываютъ... Но вѣра... не переставалъ за нее молиться... и только на сороковой день, послѣ ея смерти, когда онъ отправился, не сказавъ даже и мнѣ объ этомъ, въ нашу русскую церковь на rue Daru чтобы отслужить по ней панахиду, онъ во второй разъ тамъ былъ обманутъ и наказанъ ею —

увы... снова живой, которая во время остановила его и попросила не служить панихиду по ней... Этого уже сердце не выдержало... и придя домой, въ свою комнату, напрягъ всѣ свои силы и однимъ выстрѣломъ изъ браунинга, покончилъ всѣ счеты съ земнымъ своимъ счастьемъ и ушелъ увы, самъ добровольно отъ всѣхъ сказокъ и привидѣній... Что онъ думалъ о ней въ свои послѣднія минуты я не знаю, но изъ его письма ко мнѣ, я чувствовалъ, что онъ и съ ней простился также нѣжно и любя, какъ и со всѣмъ міромъ; ибо письмо и ей было послано... Какія это были слова-никто не знаетъ; покойная Лида унесла ихъ съ собой въ могилу; но то, что она пошла сейчасъ же за нимъ въ неизвѣстность, въ вѣчную сказку, говорить за то, что и она его любила и не могла пережить своей второй мести.

Можетъ быть, мертвая она обрѣла другое счастье, земля свершила надъ ними все свое земное и спрятала отъ живого и вѣчнаго ликующего солнца... Кто виноватъ?.. Не будемъ судить мертвыхъ, ибо смерть примиряетъ всѣхъ... и еще разъ убѣждаетъ насъ, что путь любви всегда усыанъ цвѣтами и кровью...

Георгій Рыбинцевъ

* * *

ВЪ МЕЧЕТИ.

Помнишь ли счастье такъ быстро мелькнувшее
Словно волшебная сказка во снѣ,
Ярко, какъ звѣздочка въ жизни сверкнувшее,
Чтобы угаснуть навѣки во тьмѣ?

Помнишь ли парка аллеи унылыя
Шорохъ невнятный засохшей листвы,
Грустные, все-жъ безконечно намъ милые,
Тихіе всплески прибрежной волны?

Бѣлыя розы давно ужъ опати,
Но лепестки ихъ я свято храню,
Прошлаго счастья пусть дни миновали,
Все-же тебя я какъ прежде люблю!

Т. К.

И страннымъ кажется теперь
Внесенный оттискъ минарета,
Когда устала отъ потерь
Душа отвѣтная поэта;

И странной кажется мечеть
Съ непонимаемымъ моленьемъ...
Тамъ, гдѣ учились мы горѣть,
Теперь остыло вдохновенье.

И только чья то тѣнь въ углу,
Съ руками тонкими отъ муки —
Лиловую волнуя мглу,
Напоминаетъ о разлукѣ.

Чужія стѣны и огни, —
Безъ алтаря... безъ аналоя...
И мы чужіе — здѣсь... одни,
Хоронимъ все свое святое.

В. И.